

Анастасия Белоусова

Анастасия Белоусова родилась в 1982 г. в селе Усть-Кокса Алтайского края. Живёт в Омске. Окончила Омский государственный университет имени Ф.М. Достоевского по специальности «филология» (2006). Руководитель детской литературной студии «Крылья» (БОУ города Омска «Лицей № 64»).

Выпускница Литературных курсов 2020, 2021 г.

Пишет стихи и прозу. Автор двух поэтических книг «Берег» (2014), «Городская птица» (2023). Произведения публиковались в журналах «Литературный Омск» (2003, 2012, 2022), «День и ночь» (2021), «Литературный курс» (2021, 2022), «Чаша круговая» (2015, 2021), «Кольчугинская осень» (2018), «Двина» (2022), «Звонница» (Белгород, 2023), на сайте газеты «День литературы» (2020), на сайте «Российский писатель» (2023).

Лауреат Областной молодёжной литературной премии имени Ф.М. Достоевского в номинации «Поэзия» (Омск, 2014), IX литературной премии им. Ф.Ф. Ушакова в номинации «Продолжение традиций в русской поэзии» (Омск, 2019).

Член Союза писателей России.

Время деревьев и колокольчиков

Отзыв на книгу стихов Киры Марченковой «О людях и деревьях»

Кира Марченкова. О людях и деревьях. Поэзия. Библиотека «Новое имя» Союза писателей России. – Редакционно-издательский дом «Российский писатель», 2021

На черёмухе возле моего окна начали распускаться почки, тихое небо было светло-серым, а воздух по-весеннему прохладным. Он казался совсем прозрачным и готовился принять запах свежей травы и первых листьев. Таким же свежим ветром пахнуло на меня из рукописи Киры Марченковой. Я увидела деревья, но уже облачённые в зелёную листву и сочную траву, пахнущую летом. В стихотворениях автора лето составляет основную часть жизни лирической героини, словно оно и декорации, и отдельный персонаж. И наполнено такой зрелостью и полнотой сил, что, похоже, это оно диктует героям стихов автора, как им жить и что делать:

Девочка смотрит в небо –
Белые облака
С юга на север тянутся караваном...
Девочка смотрит в небо.
Рядом течёт река.
Девочке хорошо и немного странно.

В небе царит свобода,
Воздух душист и прян –
Август в зените. Лето идёт на убыль.
Девочка смотрит в оба.
Девочка – это я
В небо смотрю, зачем-то кусая губы.

или

...Созревший август яблоком медовым,
Сорвавшись с ветки, катится в траве.
И мир совсем не кажется бредовым,
В сентябрьской утопая синеве...

Что можно понять по многочисленным ностальгическим моментам, отправляющим нас в то детство, когда цветы казались большими? Автор говорит: «*Не спугни тишину – это белый нетронутый лист, / Это поле, укрытое пологом чистого снега. / Не руби ее наскоро брошенным словом с разбега, / Оглянись,..*». И вправду, хочется оглянуться назад, на юность, на детство, вернуться к началу своего пути. В этом процессе постижения природы и пространства автор пытается решить основной вопрос нахождения лирической героини в том мире, который описывается в стихотворениях. Что его окружает, как с ним взаимодействовать? Мы видим большой разрыв между начальным детским лёгким восприятием окружающего мира и новым состоянием героини. Эта нарочитая лёгкость скрывает тревогу и опасения о будущем:

Чуть заденет трав резные кончики
Солнце и поднимется в зенит.
Наступает время колокольчиков –
Слышишь, как отчаянно звенит?

В мареве удушливом, июневом
Медленная плещется река.
Одуванчик распушился – сдунь его
С тонкой ножки прямо в облака.

Посмотри – несутся в даль далёкую
Лёгкие пушинки-семена...
И бежит то рядышком, то около
Лето голубое, светлоокое,
Робким колокольчиком звеня.

Где же эта страна, этот мир с колокольчиками? Неужели всё только в прошедшем времени? И разве настоящее детство возможно только летом? Создается впечатление, что героиня выросла, стала большой, но ещё не нашла своего места (леса). Она вступает в спор с нескончаемыми домами-квартирами, с ограниченными пространствами, превосходя своим духом, как будто кроной дерева, размеры малокомнатных и малогабаритных квартир. Эта крона так объёмна и высока, что ощущаешь её рост и размашистость.

В народе говорят: «кровь не вода», подразумевая истинное родство близких людей. А если твоё родство с природой и миром деревьев – это единственное настоящее родство? Как и родство с тем домом, в который лирическая героиня проросла корнями настолько, что любое изменение воспринимается как нарушение изначального предопределённого пути. Такое состояние очень схоже с жизнью многовековых деревьев:

И вот тебе дано:
Водица и камыш.
Не уходи на дно,
Покуда не решишь
Задачу до конца,
Не вызубришь урок
Наивного юнца,
Не вышедшего в срок
Из отчего гнезда
Сюда, на божий свет...
И пусть, что никогда
Не сойдется ответ.

Рождается конфликт, в котором лирическая героиня, будучи единым целым с природой, обороняется от обычного мира. А может быть, она ищет свой лес, так же как зверь ищет свою стаю.

С каждым днём и часом прирастая,
Словно ствол побегами, людьми,
Чувствуешь себя не зверем в стае –
Деревом, возросшим в нелюбви.

Старым дубом в зарослях осоки
На пустынном дальнем берегу,
В чистом поле ивой одинокой,
Круто изогнувшейся в дугу.

Дни отдельно прожитого века
На воспоминания дробя,
Кем угодно, но не человеком
Почему-то чувствуешь себя.

Задаю себе вопрос. Есть ли возможность так постигать мир, если живёшь в большом городе? Казалось бы, ответ очевиден – нет. Но у Киры всё, чего бы она ни касалась в своих стихотворениях, несёт в себе природные основы, отражает её природный быт. Это ось, на которой держится душа автора.

Выходит, что автор ощущает себя всем: и этими травами, и этим лесом. Это очень близко древнему мифологическому сознанию, одушевляющему окружающий мир. Именно поэтому в стихотворениях Киры периодически мы наблюдаем присутствие народных мотивов в виде напевов, заговоров, прямого обращения к природе. Разговаривая с ней, лирическая героиня заговаривает свою боль, как знающая знахарка-ведунья. Это проявляется во всевозможных словесных повторах, закрепах, зацепах: *«Уходи, моя кручина, /замерзай в реке, вода. /Навсегда».*

И вот самое важное: мы всегда ищем опору в жизни, нам необходимо за что-то цепляться, чтобы чувствовать эту жизнь. Без этой опоры жизнь человека скоротечна, как жизнь мотылька. Находя успокоение в природе, мы как бы вспоминаем свои корни, укореняемся как можем. Образ дерева для нас ассоциируется с самой первоосновой жизни – родовым деревом, которое каждый человек получает по праву рождения, но в нашем современном мире чаще всего даже не может осознать нужду в этом. Героиня ищет эту первооснову, без которой она чувствует себя неуверенно. Происходит огромная душевная работа принятия всего, что происходит или не происходит в мире стихов Киры Марченковой:

На опостылевшем дворе
Чернеют липы.
И никаких тебе прорех,
Сердечных скрипов.
Ни причитанья не слышны,
Ни свежий выстрел –
Такой душевной тишины,
Такой душистой
Не отыскать, куда бы ни
Бежали прочь мы
От неприкаянной возни
Без полномочий.
И этой глухонемой
Нам хватит в целом
На всю отчаянную стынь
И все пределы.

Возможно, лирическая героиня и не смогла бы выбраться из всего этого осознания отчаяния и безнадежности, если бы не обладала достаточно светлым взглядом на мир, в котором есть место и надежде, и внутренней радости, самому большому и ценному – умению созерцать жизнь без установок и критических оценок. Нет деревьев – она мысленно представляет их в малогабаритной квартире. Необходим свой солнечный день – она соткёт его из детских летних снов. Нужно на что-то опереться, она смотрит... нет не на землю – она смотрит в небо, как если бы, переверачивая своё восприятие и меняя угол зрения, мы обретали более осязаемую опору в жизни:

Перевернув последнюю страницу,
Приняв всего земного естество,
Держи меня, как воздух держит птицу,
Как держит крону напряжённый ствол,
Как в грунт винтом зарывшиеся сваи
Удерживают стены.

И тогда
Любое слово обратимым станет,
Живую станет мёртвая вода,
К своим истокам развернутся реки,
Забьется то, что замерло в груди.
Как держится любовь на человеке –
Держи меня, держи.
Не уходи.

Да и в этом чувствуется страх лирической героини потерять эти основы, она осознаёт свою неустойчивость и просит этой поддержки. Отсюда и плывущий размер в стихотворениях, и появление неточных рифм. Много приглушённой и мяг-

кой звукописи, таких звуков, как: *к, т, ж, ш, з, в, п, ч*. Героиня, может быть, и хотела бы звучать сильнее, чётче и громче, но она не может, она привязана к своему насиженному, выстроенному и понятному миру. Она вряд ли покинет его. И в те моменты, когда любой прорыв становится возможным, он всё равно трагичен, в нём много горечи от пережитого.

Через строчки проступает образ predeterminedённости времени и движения жизни, которые сливаются с темой тихой и «большой» воды. Так время и вода в поэзии Киры текут сообразно своим планам, дающим и забирающим жизнь по своему разумению, оставляя лирической героине только наблюдать со стороны за происходящим:

...И об ушедшем лете слишком рано
Печалиться и брать его в расчёт...
Но дни уходят, как вода из крана,
И за окном течёт, течёт, течёт...